

Юай Чоксахват

Спиртной маршрут

Юай Чоксахват
Спиртной маршрут

«Автор»

2026

Чоксахват Ю.

Спиртной маршрут / Ю. Чоксахват — «Автор», 2026

Он выходит на дорогу без чёткого плана — только с бутылкой, разговорами и ощущением, что настоящая жизнь где-то впереди. По пути встречаются случайные люди, станции, споры и смех, который сменяется тоской. Каждая остановка обещает ответ, но ответ снова уезжает дальше. Город сменяется перроном, перрон — новым кругом знакомых, а цель остаётся на горизонте, как мираж. «Спиртной маршрут» — дорожная проза о поиске, срыве и цене бесконечного движения.

Юай Чоксахват

Спиртной маршрут

Спиртной маршрут
Yuai Choksahwat
Серия «Книга времени»

Объявления о новых поступлениях и новостях сайта

Раздел: On-line

Автор: (скрыто)

Название:

"Москва - Задрищенск"

Страницы:

[0] [1] [2] [3] [4] [5] [6] [7] [8] [9] [10]

(Анонимно)

МОСКВА - ЗАДРИЩЕНСК

Трэвел-лог

Предупреждение от автора

Первый драфт "Москва-Задрищенск", существующий в единственном экземпляре, быстро ушел в народ. С тех пор я получил кучу гневных сообщений за эпизод "Серп и Молот - Кукуево", и совершенно незаслуженно.

Рождение ребенка – это таинство, ниспосланное нам природой, которое мы до сих пор не в силах постичь. И возможно, эта тайна навсегда останется скрытой от человечества, чтобы сохранить человеческий род. Когда женщина вынашивает ребенка, она расцветает и становится похожей на прекрасный цветок. Или скорее на бутон, который скоро раскроется и подарит миру свой плод. В наши дни беременным женщинам предлагается множество услуг. На специализированных сайтах можно найти все о беременности и родах. От зачатия до родов в интерактивном режиме, неделя за неделей, все сорок недель, календарь беременности, который можно составить самостоятельно.

В предисловии к первому варианту я предупредил всех читателей, что эпизод "Серп и Молот - Кукуево" следует пропустить, не читая, поскольку после фразы "и тут же опрокинул" следует полторы страницы отборного мата, что во всем этом эпизоде нет ни одного приличного слова, за исключением фразы "и тут же опрокинул". Этим добросовестным предупреждением я добился того, что все читатели, особенно девушки, сразу же принимались за эпизод "Серп и Молот - Кукуево", даже не читая предыдущих глав, даже не прочитав фразы "и тут же опрокинул". По этой причине я счел необходимым во втором варианте вырезать из эпизода "Серп и Молот - Кукуево" всю имевшуюся там нецензурщину. Так будет лучше, потому что, во-первых, меня станут читать подряд, а во-вторых, никто не будет оскорблен.

Грише Соколову, моему лучшему другу и собутыльнику, посвящает автор эти горестные страницы.

Москва. На подходе к Ярославскому вокзалу.

Все твердят: Сити, Сити. От всех я слышал о нем, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), будучи в стельку пьяным, или с жуткого бодуна, шатался по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец и как попало – и ни разу не видел Сити.

Вот и вчера опять не увидел – а ведь целый вечер ошивался где-то неподалеку, и не то чтобы сильно пьян был: я как только вылез из метро на Комсомольской, принял для начала рюмку хреновухи, потому что по опыту знаю, что в качестве утреннего антипохмелина люди ничего лучше еще не придумали.

Так... Спочатку келих «Зубровки». А потім – біля Каляєвської – ще один, але вже не «Зубровки», а коріандрової настоянки. Один знайомий казав, що коріандрова діє на людину негуманно: ніби зміцнює тіло, але розслаблює душу. Зі мною, чомусь, сталося навпаки: душа надзвичайно зміцніла, а тіло ослабло, але я згоден, що це теж негуманно. Тому там же, біля Каляєвської, я додав ще дві великі кружки «Жигулівського» пива та трохи «Альб-де-десерт» прямо з пляшки.

Ви, звісно, спитаєте: а далі, Ігорю, а далі – що ти пив? Та я й сам толком не знаю, що я пив. Пам'ятаю – це я чітко пам'ятаю – на вулиці Чехова я випив дві склянки «Мисливської». Але ж не міг я перетнути Садове кільце, нічого не випивши? Не міг. Отже, я ще щось пив.

А потім я потрапив у центр, бо в мене завжди так: коли я шукаю Кремль, я неодмінно опиняюся на Курському вокзалі. Мені ж, власне, і треба було йти на Курський вокзал, а не в центр, але я все-таки пішов у центр, щоб на Кремль хоч раз подивитися: все одно, думаю, ніякого Кремля я не побачу, а потраплю прямо на Курський вокзал.

Прикро мені тепер майже до сліз. Не тому, звичайно, прикро, що до Курського вокзалу я так вчора й не вийшов (це дурниця: не вийшов вчора – вийду сьогодні). І вже, звичайно, не тому, що прокинувся вранці в якомусь невідомому під'їзді (виявляється, сів я вчора на сходинку в під'їзді, сорокову знизу, притиснув до серця рюкзак – і так і заснув). Ні, не тому мені прикро. Прикро ось чому: я щойно підрачував, що від вулиці Чехова і до цього під'їзду я випив ще на шістсот рублів – а що і де я пив? І в якій послідовності? На благо собі я пив чи на зло? Ніхто цього не знає, і ніколи тепер не дізнається. Не знаємо ж ми й досі: цар Борис наказав вбити царевича Дмитрія, чи навпаки?

Що це за під'їзд? Я досі не маю уявлення; але так і треба. Все так. Все на світі має відбуватися повільно і неправильно, щоб людина не встигла захиститися, щоб людина була сумна і розгублена.

Я вийшов на повітря, коли вже розвиднілося. Всі знають – всі, хто в непритомності потрапляв у під'їзд, а на світанку виходив з нього – всі знають, який тягар у серці проніс я цими сорока сходинками чужого під'їзду і який тягар виніс я на повітря.

Нічого, нічого, – сказав я сам собі, – нічого. Он – аптека, бачиш? А он – цей тип у коричневій куртці скребе тротуар. Це ти теж бачиш. Ну от і заспокойся. Все йде як треба. Якщо хочеш іти наліво, Ігорю, іди наліво, я тебе ні до чого не примушую. Якщо хочеш іти направо – іди направо.

Я пішов направо, трохи похитуючись від холоду і від горя, так, від холоду і від горя. О, ця ранкова ноша в серці! О, ілюзорність лиха! О, непоправність! Чого в ній більше, в цій ноші, яку ще ніхто не назвав по імені? Чого в ній більше: паралічу чи нудоти? Виснаження нервів чи смертної туги десь неподалік від серця? А якщо всього цього порівну, то в цьому всьому чого ж, все-таки, більше: правця чи лихоманки?

"Ничего, ничего," – пробормотав я себе под нос, – "свернись калачиком от ветра и двигайся потихоньку. Дыши как можно реже. Так, чтобы колени не мешали. И иди куда-нибудь. Без разницы, куда. Если пойдешь влево – выйдешь к Казанскому вокзалу, прямо – все равно к Казанскому, направо – опять Казанский. Так что лучше направо, чтобы уж наверняка туда попасть."

О, суета сует! О, мимолетность бытия! О, самое жалкое и бессильное время в жизни нашего народа – время между рассветом и открытием алкомаркетов! Сколько лишних морщин оно набросило на наши лица, на лица неприкаянных и тоскующих брюнетов. Иди, Егор, иди.

Москва. Площадь у Казанского вокзала.

Ну вот, я же говорил: пойдешь направо – обязательно выйдешь к Казанскому вокзалу. Скучно тебе стало в этих переулках, Егор, захотелось тебе движухи – вот и получи свою движуху...

– Да брось ты, – отмахнулся я от самого себя, – разве мне нужна эта твоя движуха? Разве мне нужны эти люди? Даже Искупитель, даже собственной матери говорил: "Что мне до тебя?", а уж тем более мне – что мне до этих бегающих и надоевших?

Лучше прислонюсь к столбу и закрою глаза, чтобы не так мутило...

– Конечно, Егорушка, конечно, – кто-то запел в вышине так тихо-тихо, так ласково-ласково, – закрой глаза, чтобы не так мутило.

О! Узнаю! Узнаю! Это опять они!

"Ангелы небесные! Это снова вы?"

– Ну, конечно, мы, – и опять так ласково!..

"А знаете что, ангелы?" – спросил я тоже тихо-тихо.

– Что? – ответили ангелы.

"Тяжело мне..."

– Да мы знаем, что тяжело, – пропели ангелы. – А ты походи, походи, полегче станет. А через двадцать минут магазин откроется: водка там с десяти, правда, а пивко сразу нальют...

"Пивко?"

– Пивко, – нараспев повторили ангелы небесные.

"Холодненькое?"

– Холодненькое, разумеется...

О, как я разволновался!..

"Вы говорите: походи, походи, легче станет. Да ведь и ходить-то не хочется. Вы же сами знаете, каково в моем состоянии ходить!.."

Помолчали ангелы. А потом снова запели:

– А ты вот что: ты зайди в кафе вокзальное. Там вчера вечером сидр был. Не могли же они выпить за вечер весь сидр!..

"Да, да, да. Я пойду. Я сейчас пойду, узнаю. Спасибо вам, ангелы..."

И они так тихо-тихо пропели:

– На здоровье, Егор...

А потом так ласково-ласково:

– Не за что...

Какие они милые!.. Ну что ж... Идти так идти. И как хорошо, что я вчера гостинцев прикупил, – не ехать же в Коломну без гостинцев. В Коломну без гостинцев никак нельзя. Это ангелы мне напомнили о гостинцах, потому что те, для кого они куплены, сами напоминают ангелов. Хорошо, что купил... А когда ты их вчера купил? Вспомни... Иди и вспоминай...

Я пересёк привокзальную площадь, или, скорее, перетащил себя через неё. Пару раз останавливался, замирая на месте, чтобы унять подступающую слабость. Ведь человек – это не только тело; есть в нём и душа, и даже нечто большее – мистическая, сверхчувственная сторона. И вот, я каждую секунду боялся, что меня прямо посреди площади вывернет наизнанку сразу со всех сторон. И снова замирал. Так когда же я купил эти сладости? После "Егермейстера"? Нет. После "Егермейстера" мне было совсем не до гостинцев. Между первой и второй рюмкой "Егермейстера"? Тоже нет. Там была пауза секунд тридцать, а я не супермен, чтобы за тридцать секунд что-то успеть. Да и супермен свалился бы после первой рюмки, не осилив вторую... Так когда же? Господи, сколько же в мире загадок! Непроницаемая завеса тайн! До "Кориандра" или между пивом и десертным вином?

Москва. Ресторан Казанского вокзала

Нет, только не между пивом и десертным вином, там уж точно не было никакой паузы. А вот до "Кориандра" – вполне возможно. Скорее даже так: орехи я купил до "Кориандра", а конфеты – уже после. Или, может, наоборот: выпив "Кориандр", я...

– Спиртного нет, – отрезал охранник. И окинул меня взглядом, словно я был дохлым воробьём или грязным одуванчиком.

"Нет спиртного!"

Я, хоть и съёжился от отчаяния, всё же сумел пробормотать, что пришёл вовсе не за этим. Мало ли зачем я пришёл? Может, мой поезд на Челябинск почему-то не хочет ехать в Челябинск, и я зашёл сюда: съесть бефстроганов и послушать Олега Газманова или что-нибудь из "Свадьбы в Малиновке".

Свою сумку я всё-таки взял с собой и, как недавно в подъезде, прижал её к груди, ожидая заказ.

Нет спиртного! Пресвятая Богородица! Ведь если верить слухам, здесь всегда был коньяк. А теперь – только музыка, да и музыка какая-то заунывная. Это ведь и правда Газманов поёт, я сразу узнал, противнее голоса нет. У всех певцов голоса одинаково противные, но противные у каждого по-своему. Поэтому я их легко различаю на слух... Ну, конечно, Газманов... "Мои я-а-асные дни-и-и, мои тё-о-омные но-о-очи..." ну, конечно, Газманов... "Где ты-ы-ы, где ты-ы-ы, моя лю-у-убовь..."

– Будете что-нибудь заказывать?

– А у вас что – только музыка?

– Почему "только музыка"? Бефстроганов есть, пирожное. Рубец...

Опять подступила тошнота.

– А коньяк?

– А коньяка нет.

– Интересно. Рубец есть, а коньяка нет!

– О-о-очень интересно. Да. Коньяка нет. А рубец – есть.

И меня оставили в покое. Я, чтобы не тошнило, принялся разглядывать люстру над головой...

Лампа красивая. Но массивная чересчур. Если сейчас сорвется и рухнет кому-нибудь на макушку – будет очень неприятно... Хотя, может, и не очень: пока она там открепляется и летит вниз, ты, ничего не подозревая, допиваешь, к примеру, "Балтику Девятку". А как она до тебя доберется – тебя уже не станет. Жуть какая: сидишь себе, а на тебя сверху – лампа. Очень жутко...

Да нет, чего ж жуткого-то?.. Если ты, допустим, "Девятку" потягиваешь, если ты уже опохмелился – не так уж это и страшно... А вот если ты с бодуна сидишь, и еще не успел поправиться, а "Девятки" тебе не наливают – вот это уже тоска... Очень гнетущая мысль. Мысль, которую не каждый выдержит, особенно с похмелья.

А ты бы согласился, если бы тебе предложили такое: мы тебе, мол, сейчас принесем литр "Балтики", а за это мы у тебя над головой эту лампу отвинтим и...

– Ну что, определились? Будете что-нибудь брать?

– "Балтики Девятки", пожалуйста. Литр.

– Да ты хорош, видать! По-русски же тебе сказали: нет у нас такого!

– Ну... Я подожду... Когда будет...

– Жди-жди... Дождешься!.. Будет тебе сейчас "Девятка"!

И опять меня оставили одного. Я вслед этой продавщице посмотрел с презрением. Особенно на ее белые колготки без шва; шов бы меня успокоил, может, облегчил бы душу и совесть...

Отчего они все такие злые? А? И злые-то ведь, нарочито злые в те самые моменты, когда нельзя быть злым, когда у человека с похмелья все нервы наружу, когда он беззащитен и тих! Почему так?! О, если бы весь мир, если бы каждый в мире был бы, как я сейчас, тих и робок и был бы так же ни в чем не уверен: ни в себе, ни в серьезности своего места под солнцем – как хорошо было бы! Никаких активистов, никаких свершений, никакой одержимости! – всеобщая апатия. Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы мне прежде показали уголок,

где не всегда есть место подвигам. "Всеобщая апатия" – да ведь где это спасение от всех бед, эта панацея, этот залог величайшего благополучия! А что касается деятельного склада характера...

– Кому тут "Девятку"?

Надо мной – две санитарки и один санитар, все трое в белых халатах. Я поднял глаза на них – о, сколько, должно быть, в моих глазах сейчас всякой мерзости и растерянности – я это понял по ним, по их взглядам, потому что в их глазах отразилась эта растерянность и эта мерзость... Я весь как-то сжался и потерял уверенность.

– Да ведь я... Почти и не прошу. Ну и ладно, что "Девятки" нет, я подожду, я так...

– Это как это "так"?.. Чего это вы "подождете"?!

– Да почти ничего... Я ведь просто еду в Струнино, к любимой девушке (ха-ха! К "любимой девушке!") – гостинцев вот купил...

Они, мучители, ждали, что я еще скажу.

– Я ведь... Из Норильска, я сирота... А просто, чтобы не так мутило... "Девятки" хочу.

Зря я это опять про "Девятку", зря! Он их сразу взбесил. Все трое подхватили меня под руки и через весь зал ожидания – о, боль такого унижения! – через весь зал протащили меня и вышвырнули на улицу. Следом за мной рюкзак с гостинцами – тоже вышвырнули.

Опять на свободу. О, эта пустота! О, животная гримаса реальности!

Москва. К составу через алкомаркет.

То, что случилось потом – от кафе до магазина, а от магазина до поезда – словами не передать. И я не стану пытаться. Даже если ангелы возьмутся за это, они лишь заплачут, и сквозь слезы ничего не смогут сказать.

Лучше вот что: давайте почти минутой молчания эти два мучительных часа. Запомни, Артем, эти часы. В самые радостные, в самые светлые дни своей жизни – помни о них. В минуты счастья и восторга – не забывай о них. Это не должно повториться. Я обращаюсь ко всем друзьям и близким, ко всем людям с добрым сердцем, ко всем, чья душа открыта для прекрасного и сочувствия:

"Остановите свои дела. Замрите вместе со мной, и почти минутой молчания то, что невозможно выразить словами. Если у вас есть под рукой какая-нибудь дудка – подудите в нее".

Итак. Я тоже замираю. Ровно на минуту, рассеянно глядя на часы вокзала, я стою как истукан посреди привокзальной площади. Ветер то треплет мои волосы, то вздымает их дыбом, то снова укладывает. Машины объезжают меня со всех сторон. И люди – тоже, и смотрят странно: думают, наверное, – запечатлеть его вот так, в назидание потомкам, или не стоит?

И нарушает эту тишину лишь хриплый женский голос, льющийся из динамика:

"Внимание! В 20 часов 16 минут с четвертого пути отправляется электричка до Заозерска. Остановки: Площадь Ильича, Андроновка, Косино, Люберцы-1. Далее – везде, кроме Платформы 33 километр".

А я продолжаю стоять.

"Повторяю! В 20 часов 16 минут с четвертого пути отправляется электричка до Заозерска. Остановки: Площадь Ильича, Андроновка, Косино, Люберцы-1. Далее – везде, кроме Платформы 33 километр".

Ну, вот и все. Минута прошла. Теперь вы, конечно, засыпаете меня вопросами: "ты же из магазина, Артем?"

– Да, – отвечаю я, – из магазина. – и продолжаю идти в сторону платформы, опустив голову влево.

– Твоя сумка теперь тяжелая? Да? А в душе играет флейта? Ведь так?

– Ну, как сказать! – говорю я, наклонив голову вправо. – Сумка, безусловно, очень тяжелая. А насчет флейты пока рано говорить...

– Так что же, Артем, что же ты все-таки купил? Нам очень интересно!

Я понимаю, что интересно. Сейчас, сейчас перечислю: во-первых, две бутылки "Солнечного удара" по 315 рублей каждая, итого 630. Дальше: две поллитровки "Беленькой", по 240 рублей, итого 630 плюс 480. Одиннадцать сот десять рублей. И еще какое-то красное. Сейчас вспомню. Да – "Кагор 32" за 210 рублей.

– Так-так-так, – говорите вы, – а общая сумма? Ведь это очень интересно...

Сейчас я вам скажу общую сумму.

– Общая сумма – тысяча триста двадцать рублей, – говорю я, ступая на платформу. – но это еще не совсем общая сумма. Я ведь купил еще два хот-дога, чтобы не проблеваться.

– Ты хотел сказать, Артем: "чтобы не вырвало?"

– Нет, как сказал, так и будет. Первую рюмку без закуски не могу, сразу вырвет. А вот вторую и третью – запросто, всухую. Тошнить может и будет, но уже не вырвет. И так до девятой. А там снова бутерброд нужен.

– Зачем? Опять вырвет?

– Да нет, вырвать-то уже точно не вырвет, а вот сбить – точно сбью.

Вы все, конечно, головами качаете. Я даже вижу – отсюда, с этого грязного пятка, – как вы все, разбросанные по моей родине, головами крутите и иронизируете:

– Как сложно, Димка, как тонко!

– Еще бы!

– Какая ясность ума! И это – все?! И это все, что тебе нужно для счастья? И больше – ничего?

– Ну как, то есть, ничего? – говорю я, заходя в тамбур. – Было бы у меня больше денег, взял бы еще пива и пару "три семерки", но ведь...

Тут вы совсем начинаете стонать.

– О-о-о-о, Димка! О-о-о, примитив!

Ну и что? Пусть примитив, – говорю. И прекращаю с вами разговор. "Пусть примитив!" И на ваши вопросы больше не отвечаю. Лучше сяду, чемодан к груди прижму и буду в окно смотреть. Вот так. "Пусть примитив!"

А вы все достаете:

– Ты чего? Обиделся?

– Да нет, – отвечаю.

– Ты не обижайся, мы тебе добра желаем. Только зачем ты, дурак, все чемодан к груди прижимаешь? Там что, водка, что ли?

Тут уж я совсем злюсь: да причем тут водка?

"Внимание, поезд следует до станции Костерево. Остановки: Площадь Ильича, Карачарово, Кучино, Балашиха, далее по расписанию, кроме платформы 33 километр". В самом деле, причем тут водка? Привязались к этой водке! Да я и в кафе, если помните, прижимал его к себе, а там никакой водки не было. И в подъезде, вроде, тоже прижимал, а водкой там и не пахло!.. Если уж вам так интересно – я вам все расскажу, только подождите. Вот опохмелюсь на Площади Ильича и...

Москва – Площадь Ильича

И тогда все, все расскажу. Потерпите. Я же терплю! Ну конечно, все они считают меня ненормальным. По утрам, с бодуна, я и сам о себе такого же мнения. Но нельзя же доверять мнению человека, который еще не похмелился! Зато по вечерам – какие во мне глубины! – если, конечно, хорошо за день набраться – какие бездны во мне по вечерам!

Но – пусть. Пусть я ненормальный. Я вообще заметил: если человеку по утрам плохо, а вечером он полон планов, мечтаний и стремлений – он очень плохой человек. Утром плохо, вечером хорошо – верный признак дурного человека. А вот если наоборот – если по утрам человек бодр и полон надежд, а к вечеру его одолевает усталость – это точно человек дрянь, делец и посредственность. Противен мне такой человек. Не знаю, как вам, а мне противен.

Конечно, есть такие люди, которым все одинаково мило – и рассвет, и закат, и восходу они радуются, и заходу тоже. Это просто негодяи, и говорить о них противно. А если кому одинаково паршиво – и утром, и вечером, – тут уж я не знаю, что и сказать, это законченный мерзавец и пустозвон. Ведь магазины у нас до девяти работают, а «Глобус Гурмэ» – даже до одиннадцати. Если ты не подонок, всегда сумеешь к вечеру разжиться чем-нибудь, какой-нибудь пустяковой бездной...

Итак, что у меня есть?

Я вытащил из рюкзака все, что было, и ощупал: от бутерброда с колбасой до бормотухи «Солнечный удар» за сто тридцать семь рублей. Ощупал – и вдруг затосковал и померк... Господи, вот ты видишь, чем я владею. Но разве это мне нужно? Разве по этому тоскует моя душа? Вот что дали мне люди взамен того, по чему тоскует душа! А если бы они мне дали то, разве нуждался бы я в этом? Смотри, Господи, вот: бормотуха «Солнечный удар» за сто тридцать семь...

И весь в синих искрах, Господь мне ответил в Telegram-голосовом:

– А для чего нужны страдания святой Матроне? Они ведь ей тоже не нужны. Но они ей желанны.

– Вот-вот! – отвечал я в восторге в ответном голосовом. – Вот и мне, и мне тоже – желанно мне это, но ничуть не нужно!

"Ну, раз желанно, Аркадий, так и пей", – тихо подумал я, но все медлил. Скажет мне Господь еще что-нибудь или нет?

Господь молчал.

Ну, хорошо. Я достал поллитровку и вышел в тамбур электрички. Так. Мой дух томился в заключении четыре с половиной часа, теперь я выпущу его погулять. Есть стакан и есть бутерброд, чтобы не стало плохо. И есть душа, пока еще чуть приоткрытая для впечатлений бытия. Раздели со мной трапезу, Господи!

...

Ярославский вокзал – Мытищи

И немедленно выпил...

Мытищи – Пушкино

А выпив – сами видите, как долго я морщился и сдерживал рвотные позывы, как долго я ругался и сквернословил. Не то пять минут, не то семь минут, не то целую вечность – так и метался в узком тамбуре, схватив себя за горло, и умолял бога моего не гневаться на меня.

Чтобы поездка прошла нормально, необходимо внимательно и серьезно отнестись к своему физическому состоянию. Заранее купить билеты онлайн, следить за новостями и маршрутом. Больше спать и не пить много алкоголя. Все это будет очень полезно, как для путешественника, так и для его попутчиков. Каждому человеку при подготовке к дальней дороге необходим персональный список вещей, в котором расписано все необходимое от начала и до конца поездки.

От станции "Восточная" и вплоть до самой Ржавки, мои молитвы словно тонули в пустоте. Бутылка, осушенная залпом, то бурлила где-то в животе, то вдруг поднималась к горлу, словно лава. Как извержение вулкана, как салют на День Победы. И я мучился, и зывал к небесам.

И только в Ржавке меня услышали. Все стихло, успокоилось. А уж если у меня что-то утихает, то это навсегда. Можете не сомневаться. Я уважаю природу, и было бы кощунством возвращать ей выпитое обратно... Да.

Я кое-как привел в порядок волосы и вернулся в купе. Пассажиры смотрели на меня почти равнодушно, с какими-то пустыми, незаинтересованными лицами...

И это мне нравится. Мне нравится, что у людей в нашей стране такие пустые и безучастные глаза. Это наполняет меня чувством гордости. Можно представить, какие глаза у тех, где все продается и покупается:

...Спрятанные, настороженные, хищные и испуганные глаза... Инфляция, сокращения, нищета... Смотрят исподтишка, с постоянной тревогой и болью – вот какие глаза у тех, кто поклоняется золотому тельцу...

А у моего народа – какие глаза! Они всегда немного навывкате, но в них нет никакого напряжения. Полное отсутствие смысла – но зато какая сила! (какая духовная сила!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят. Что бы ни случилось с нашей страной, во времена сомнений, во времена тяжелых раздумий, в годы любых испытаний и бед – эти глаза не дрогнут. Им все нипочем...

Я люблю свой народ. Я счастлив, что родился и вырос под взглядами этих глаз. Плохо только одно: вдруг они заметили, что я там, на платформе, вытворял?.. Катался по земле, как какой-нибудь актер погорелого театра, хватаясь за горло, словно меня душили?

Ну, да ладно. Если кто и видел – пусть. Может, я там что-то репетировал? Да... В самом деле. Может, я играл бессмертную драму "Гамлет"? Играл в одиночку и сразу все роли? Я, например, предал себя, свои убеждения: вернее, я заподозрил себя в предательстве самого себя и своих убеждений; я сам себе наговорил – о, такого наговорил! – и вот я, возненавидевший себя за муки, как самого себя, – я принялся себя душить. Схватил себя за горло и душу. Да мало ли что я там делал?..

Вон – справа, у окна – сидят двое. Один такой дурак дураком и в старой куртке. А другой такой умник умником и в дорогом пальто. И, пожалуйста, никого не стесняются – наливают и пьют. Не прячутся в тамбуре и не заламывают рук. Дурак дураком выпьет, крикнет и говорит: "А! Хорошо пошла, зараза!" А умник умником выпьет и говорит: "Эк-зис-тен-ци-ально!" и таким торжественным голосом! Дурак дураком закусит и говорит: "Заку-уска у нас сегодня – отпад! Закуска – пальчики облизешь!" А умник умником жует и говорит: "Да-а-а... Эк-зис-тен-ци-ально!.."

Удивительно! Залез в "Ласточку", еду и мучаюсь: за кого меня приняли? За маргинала какого-то? Плохо подумали или хорошо? А эти сидят, глушат пиво внаглую, как будто они тут пупы земли, пьют с видом, будто им все дозволено... "Закусон, чтоб я так жил!"

...Я, когда с бодуна утром, прячусь от солнца и людей, как будто это самое сокровенное!.. До работы пью – конспирируюсь. На работе пью – тоже ныкаюсь... А эти!! "Транс-цен-ден-тально!"

Мне моя мнительность жить мешает, она мне всю молодость испортила, и детство, и юность... Вернее, не мнительность, а то, что я слишком много считаю личным – сколько раз это меня подводило...

Сейчас расскажу одну историю. Лет десять назад поселился я в Электроуглях. Когда я туда приехал, в моей комнате уже четверо жили, я стал пятым. Жили мы дружно, вообще не ссорились. Если кому-то захотелось балтики, он вставал и говорил: "Пацаны, хочу балтики". А все отвечали: "Без проблем. Пей балтику. Мы тоже с тобой выпьем балтики". Если кому-то пива захотелось, всем сразу пива хотелось.

Все отлично. Но вдруг я стал замечать, что эти четверо как-то от меня отдаляются, перешептываются, на меня поглядывают, следят, куда я иду. Мне это показалось странным и даже немного тревожным. И на их лицах я видел какую-то озабоченность и даже страх... "В чем дело? – думал я. – Почему они так себя ведут?"

И вот настал вечер, когда я понял, в чем дело и почему они так себя ведут. Я, помню, в тот день даже с кровати не вставал: выпил пива и загрустил. Просто лежал и тосковал.

И вижу: все четверо потихоньку вокруг меня собираются – двое сели на стулья у изголовья, а двое – в ногах. И смотрят мне в глаза, смотрят с укором, смотрят с озлоблением людей, которые не могут понять какую-то тайну, заключенную во мне... Что-то явно случилось...

– Послушай, – сказали они, – ты это прекращай.

– Что "прекращай"?.. – я удивился и немного приподнялся.

– Прекращай считать, что ты лучше других... Что мы тут мелочь пузатая, а ты – гений.

– Да с чего вы взяли!..

– А вот с того и взяли. Ты пиво сегодня пил?

Электроугли - Железнодорожная

– Пил.

– Много пил?

– Много.

– Ну, так вставай и иди.

– Да куда "иди"?

– Как будто не знаешь! Получается так – мы тут ничтожества и отбросы, а ты – гений...

– Позвольте, – говорю, – я этого не утверждал...

– Нет, утверждал. С тех пор, как ты к нам поселился, ты каждый день это утверждаешь. Не словами, а поступками. Даже не поступками, а их отсутствием. Ты это негативно утверждаешь...

– Да каким "отсутствием"? Каких "поступков"? – я от изумления совсем глаза вытаращил...

– Да известно, каких поступков. В туалет ты не ходишь – вот что. Мы сразу почувствовали: что-то не так. С тех пор, как ты поселился, мы ни разу не видели, чтобы ты в туалет сходил. Ну, ладно – по-большому, еще можно понять! Но ведь ни разу даже по-маленькому... Даже по-маленькому!

И все это было сказано без улыбки, тоном смертельно оскорбленным.

– Да вы меня неправильно поняли...

– Нет, ну мы же правильно тебя поняли...

– Да нет, совсем не поняли. Не могу я, как вы: подняться вот так просто и заявить на весь вагон: "Ну, народ, я пошел отлить!" или "Сейчас пойду по-большому!" Не могу я так...

– Да почему не можешь-то? Мы можем, а ты – нет? Значит, ты себя выше нас ставишь! Мы, значит, грязные свиньи, а ты, как ангел во плоти?!

– Да нет же... Как бы вам это объяснить...

– Нам ничего объяснять не надо... Все с тобой ясно.

– Да вы послушайте хоть! Поймите... Есть в этом мире вещи...

– Да знаем мы не хуже тебя, что в этом мире есть, а чего нет...

И я никак не мог до них достучаться. Их хмурые взгляды прожигали меня насквозь... Я начал сдаваться.

– Ну, ладно, допустим, я тоже могу... Я тоже мог бы...

– Вот-вот. Значит, ты – можешь, как и мы. А мы, как ты, – не можем. Ты, конечно, все можешь, а мы – ничтожества. Ты – Максим, ты – бунтарь, а мы – пыль у тебя под ногами...

– Да нет, нет, – совсем я растерялся. – В этом мире есть... Есть такие понятия... Нельзя же так просто: встал и пошел. Потому что самоограничение, что ли... Есть какая-то зона стыда, еще со времен Чехова... И потом – присяга на Поклонной горе... И после этого встать и сказать: "Ну, народ..." – как-то это... оскорбительно, что ли... Если у человека тонкая душевная организация...

Они, все четверо, смотрели на меня с презрением. Я пожал плечами и замолчал.

– Брось ты про Чехова. Говори по делу, не юли. Сами читали. Ты лучше вот что скажи: ты пиво сегодня пил?

- Пил.
- Сколько бокалов?
- Два больших и один маленький.
- Ну так вставай и иди. Чтобы мы все видели, что ты пошел. Не унижай нас и не мучай.

Вставай и иди.

Ну что ж, я встал и пошел. Не для того, чтобы облегчить себя. Для того, чтобы их успокоить. А когда вернулся, один из них мне сказал: "С таким жалким видом ты вечно будешь один и несчастен".

Да. И он был абсолютно прав. Я знаю многие замыслы вселенной, но для чего она наделила меня такой щепетильностью, я до сих пор не понимаю. А эта щепетильность – самое смешное! – эта щепетильность толковалась так превратно, что мне отказывали даже в элементарной вежливости.

Например, в Сергиевом Посаде. Меня подводят к женщинам и представляют:

– А вот это тот самый известный Артем Кузнецов. Он известен многим. Но больше всего, конечно, тем, что за всю свою жизнь ни разу не испортил воздух...

– Как!! Ни разу!! – удивляются женщины и во все глаза меня разглядывают. – Ни разу!!

Я, конечно, начинаю смущаться. Я не могу при женщинах не смущаться. Я говорю:

– Ну как это ни разу! Иногда... Все-таки...

– Как!! – еще больше удивляются женщины. – Кузнецов – и... Невероятно!.. "Иногда все-таки!"

Я от этого окончательно теряюсь и говорю примерно так:

– Ну... А что в этом такого... Я же... Это ведь – выпустить газы – это ведь так обыденно...

Ничего в этом особенного нет – в том, чтобы выпустить газы...

– Вы только подумайте! – поражаются женщины.

А потом, как давай названивать по всей этой линии до самого Голицыно: "Он там такое несет вслух, и еще говорит, что у него отлично получается! Что он просто мастер!"

Ну вот, пожалуйста. И так вся моя жизнь. Всю жизнь меня преследует этот кошмар – кошмар, заключающийся в том, что тебя понимают не просто неправильно, нет, "неправильно" – это еще куда ни шло! – а именно с точностью до наоборот, то есть, совершенно по-скотски, то есть, антиномично.

Я бы мог много чего рассказать по этому поводу, но если я начну рассказывать все подряд, мы до самого Голицыно не доедем. А лучше я не буду рассказывать все, а только один случай, потому что он самый свежий: о том, как меня неделю назад сняли с должности старшего смены за "внедрение пагубной системы индивидуальных планов". Все наше московское начальство трясет от ужаса, как только они вспоминают об этих планах. А что тут такого ужасного, казалось бы!..

Так! Где мы сейчас едем-то?..

Софрино! Мы мчим без остановок через Софрино! По такому случаю мне бы следовало еще раз выпить, но я лучше сначала вам расскажу,

Софрино – Мытищи

А уж потом выпью.

Итак. Неделю назад меня сняли со старшего смены, а пять недель назад – назначили. За четыре недели, сами понимаете, кардинальных перемен не проведешь, да я и не проводил никаких кардинальных перемен, а если кому-то и показалось, что проводил, так уволили меня все-таки не за кардинальные перемены.

Все началось проще. До меня наш производственный процесс выглядел следующим образом: с утра мы садились и играли в дурака, на деньги (вы умеете играть в дурака?). Так. Потом вставали, разматывали катушку с проводом, и провод закапывали в землю. А потом – известное дело: садились, и каждый по-своему убивал время, ведь у каждого свои мечты и свои при-

вычки. Один – пиво пил, другой, кто попроще, – энергетик "Бодрость", а кто с претензией – пил виски в баре аэропорта Домодедово. И ложились спать.

А наутро так: сначала садились и пили пиво. Потом вставали и вчерашний провод выкапывали из земли и выбрасывали, потому что он уже весь мокрый был, конечно. А потом – что же? – потом садились играть в дурака, на деньги. Так и ложились спать, не доиграв.

Рано утром уже будили друг друга: "Колян! Вставай в дурака играть!" "Вован, вставай доигрывать вчерашнего дурака!" Вставали, доигрывали в дурака. А потом – ни свет ни заря, ни "Бодрости" не попив, ни пива, хватали катушку с проводом и начинали ее разматывать, чтоб он до завтра отмок и пришел в негодность. А уж потом – каждый за свое, потому что у каждого свои идеалы. И так все сначала.

Став старшим смены, я довёл всю систему до абсурда. Теперь у нас было так: день играем в дурака, день пьём "Балтику Девятку", день снова дурак, день снова "Девятка". А кто с интеллектом – тот вообще зависал в "Крокусе": сидел там и вискарь глушил. На гитаре, естественно, никто и пальцем не трогал – да если б я предложил, они бы все заржали как кони, а потом двинули бы мне в табло, ну, а потом разбрелись бы: кто в дурака резаться, кто "Девятку" хлестать, а кто "Охоту Крепкое".

И поначалу всё шло как по маслу. Мы им туда, в офис, раз в месяц отчёты слали, а они нам зарплату два раза в месяц. Мы, например, пишем: в связи с грядущим юбилеем обязуемся свести к нулю случаи прогулов. Или так: в честь знаменательной даты добьёмся, чтобы каждый третий сотрудник учился на вечернем в каком-нибудь шараге. А какие там прогулы и учёба, если мы за дураком света белого не видим, и нас всего-то шестеро!

О, свобода и вседозволенность! О, братство и халява! О, сладость безнаказанности! О, лучшее время в жизни моего коллектива – время от открытия и до закрытия "Красного и Белого"!

Забыв про совесть и планы на будущее, мы жили исключительно духовной жизнью. Я расширял им горизонты по мере сил, и им очень нравилось, когда я им их расширял: особенно, что касалось ситуации на Украине и санкций. Тут они были в полном экстазе: в экстазе от Украины, в экстазе от санкций, и от курса доллара в особенности. А Зеленский и Байден у них с языка не сходили. Приходят они утром после загула, например, и один другого спрашивает: "Ну чё? Светка из бухгалтерии – Зеленский или Байден?" а тот отвечает с довольной ухмылкой: "Куда ж она, стерва, денется? Конечно, Байден!"

А потом (слушайте), а потом, когда они узнали, из-за чего закрыли "ВКонтакте", я дал им послушать подкаст Варламова про российские города. Там в центре подкаста, если, конечно, отбросить в сторону все эти красивые виды и исторические справки и прочую ерунду, там в центре подкаста урбанист, которого уволили с работы за взятки, скандалы и непрофессионализм. Я сказал им: "Очень полезный контент, - сказал, - вы прослушаете его с большой пользой для себя". Что ж? Они прослушали. Но, вопреки всему, это сказалось на них угнетающе: во всех магазинах разом пропала вся "Охота Крепкое". Непонятно почему, но дурак был забыт, "Балтика Девятка" была забыта, "Крокус" был забыт, – и восторжествовала "Охота Крепкое", все пили только "Охоту Крепкое".

О, безмятежность! О, птицы небесные, не знающие забот! О, краше олигархов одетые офисные клерки! – они выпили всю "Охоту Крепкое" от станции Химки до "Шереметьево"!

И тут меня осенило: да ты просто олух царя небесного, Димка, полный профан! Вспомни, ты же у какого-то блогера читал, что нейросеть заботится только о судьбе vip-пользователей, а о судьбе обычных юзеров пусть думают випы. А ты ведь тимлид, то есть, "маленький vip". Где твоя забота о судьбах твоих юзеров? Ты вообще заглядывал в души этих ботов, в темные закоулки душ этих ботов? Диалектика кода этих четверых криворуких программеров – тебе известна? Если бы была известна, тебе было бы понятнее, что общего у "Матрицы" с "обнов-

лением" и почему "Матрица" не смогла подружиться ни с Си++, ни с Питоном, тогда как с ними прекрасно уживались и Билл Гейтс и Павел Дуров!..

И вот тогда-то я внедрил свои знаменитые "индивидуальные отчеты", из-за которых меня, в конечном счете, и выперли...

Мытищи – Королёв

Рассказать ли вам, что это были за отчеты? Ну, это элементарно: на листе Excel черным шрифтом рисуются две оси – одна ось горизонтальная, другая вертикальная. На горизонтальной откладываются последовательно все рабочие дни прошедшего месяца, а на вертикальной – количество часов, потраченных на прокрастинацию в пересчете на чистую лень. Учитывалось, разумеется, только потраченное на работе и до нее, поскольку потраченное вечером – величина для всех более или менее постоянная и для серьезного исследователя интереса не представляет.

Итак, по истечении месяца сотрудник подходит ко мне с отчетом: в такой-то день потрачено того-то и столько-то, в другой – столько-то и того-то. А я, черным шрифтом и в листе Excel, изображаю все это красивой диаграммой. Вот, полюбуйте, например, это линия комсомолки Светланы Тотошкиной:

! * 500-! * * * ! * * * * 400-! * * * * ! * * * * * 300-! * * * * * * * ! * * * * * * * * 200-!
* * * * * * * * ! * * * * * 100-! * * * ! * 0 ----- 10-е 26-е

А это – Алексея Блинникова, члена "Единой России" с 2008 г., прожженный старый кадр:

! 500-! ! 400-! ! 300-! ! ---- * ---- * ---- * ---- * ---200-! ! 100-! ! 0
----- 10-е 26-е

А вот уж это – ваш покорный слуга, экс-тимлид отдела машинного обучения, автор поэмы "Москва - Балашиха":

! * * * * * 500-! * * * * ! * * * * * 400-! * * * * ! * * * * 300-! * * * * * ! * * * * 200-! * *
* * * ! * * * * 100-! ! 0 ----- 10-е 26-е

Ведь правда, интересные линии? Даже для самого поверхностного взгляда – интересные? У одного – Эверест, Альпы, нефтяные вышки или даже верх Останкинской башни, которую я, впрочем, никогда не видел.

У другого: утренний туман на реке Москве, тихий шелест и блики неоновой рекламы. У третьего – бешеное биение сердца, песня о стартапе и десятый дедлайн. И все это – если видеть только внешнюю форму линии.

А тому, кто дотошен (ну, как я, к примеру), эти схемы выкладывали все, что только можно выложить о человеке и его внутреннем мире: все черты, от интимных до профессиональных, все недостатки, как в работе, так и в личной жизни. И степень его адекватности, и склонность к обману, и все секреты подсознания, если они, конечно, имелись.

Душу каждого кретина я изучал теперь с особым вниманием, пристально и в упор. Но не слишком долго; в один ужасный день с моего рабочего стола пропали все мои диаграммы. Оказалось, этот старый хрен, Аркадий Петрович Скворцов, член партии с 1978 года, в этот день отправлял в главное управление наше новое соцобязательство, где все мы клялись в честь грядущего юбилея быть в быту такими же, как на производстве, – и, по глупости или по пьяни, он в тот же конверт засунул и мои индивидуальные графики.

Я, как только обнаружил пропажу, выпил и схватился за голову. А там, в управлении, тоже – получили пакет, схватились за голову, выпили и в тот же день приехали на служебной "Ладе" в расположение нашего отдела. Что они обнаружили, ворвавшись к нам в кабинет? Они ничего не обнаружили, кроме Аркадия Петровича и Стаса; Аркадий Петрович спал на полу, свернувшись калачиком, а Стаса тошнило. Через пятнадцать минут все было решено: моя звезда, блеснувшая на месяц, закатилась. Расплата произошла – ровно через месяц после триумфа. Всего один месяц – от моего взлета до падения. Короче, меня понизили в должности, и на мое место назначили Аркадия Петровича Скворцова, этого старого дурака, члена партии

с 1978 года. А он, сразу после назначения, проснулся на своем полу, попросил у них сто рублей – они ему не дали. Стас перестал блевать и тоже попросил сто рублей – они и ему не дали. Выпили дешевого вина, сели в свою "Ладу" и уехали обратно.

И вот – я торжественно заявляю: до конца моих дней я не сделаю ничего, чтобы повторить мой горький опыт возвышения. Я остаюсь внизу и снизу плюю на всю вашу карьерную лестницу. Да. На каждую ступеньку лестницы – по плевку. Чтобы по ней подниматься, надо быть беспринципным мерзавцем, надо быть подлецом, выкованным из стали с головы до пят. А я – не такой.

Как бы то ни было – меня выгнали. Меня, внимательного аналитика, любовно изучавшего души своих подчиненных, меня – снизу – посчитали предателем и коллаборационистом, а сверху – бездельником с расшатанной психикой. Низы не хотели меня видеть, а верхи не могли без смеха обо мне говорить. "Верхи не могли, а низы не хотели". Что это предвещает, знатоки истории? Совершенно верно: в ближайшую зарплату меня будут бить по законам справедливости и красоты, а ближайшая зарплата – послезавтра, а значит, послезавтра меня измучают.

– Фу!

– Кто сказал "фу"? Это вы, ангелы, сказали "фу!"?

– Да, это мы сказали. Фу, Егор, как ты ругаешься!

– Да как тут не злиться, сами подумайте! Вся эта бытовуха так меня измотала, что я с того дня не просыхаю. Я и раньше, конечно, не был трезвенником, но хоть помнил, что пью и в каком порядке, а теперь и этого не могу вспомнить... У меня все как-то полосами: то неделю ни капли, то потом месяц пью, потом опять дня три трезвый, а потом полгода без передышки... Вот и сейчас...

...

– Мы понимаем, все понимаем. Тебя обидели, и твое доброе сердце...

– Да, да, в тот день мое доброе сердце полчаса воевало с разумом.

Как в драмах Александра Сумарокова: долг против любви. Только у меня наоборот: доброе сердце воевало с разумом и долгом. Сердце мне шептало: "Тебя унизили, тебя втоптали в грязь. Иди, Аркаша, и напейся. Встань и напейся, как свинья". Так говорило мое доброе сердце. А мой разум? – он ворчал и упирался: "Ты не встанешь, Зубов, ты никуда не пойдешь и ни грамма не выпьешь". А сердце в ответ: "Ну ладно, Аркаша, ладно. Много не надо, не надо напиваться, как скотина, а выпей двести грамм и хватит". "Никаких грамм! – отрезал разум. – Если уж без этого никак, пойдешь и выпей три кружки пива; а о своих граммах, Зубов, забудь". А сердце зануло: "Ну хоть сто грамм. Ну..."

Сергиев Посад – Пересвет

ну, хоть семьдесят..." и тогда разум: "Ну хорошо, Аркадий, – сказал, – хорошо, выпей семьдесят, только никуда не ходи, сиди дома".

Что вы думаете? Я выпил семьдесят и усидел дома? Ха-ха. Я с того дня пил по литру каждый день, чтобы усидеть дома, и все равно не усидел. Потому что на пятый день размяк уже настолько, что исчезла грань между разумом и сердцем, и оба в один голос мне закричали: "Поезжай, поезжай в Пересвет! В Пересвете – твое спасение и радость твоя, поезжай".

"Пересвет – это место, где всегда тихо и спокойно, где нет суеты и шума, где всегда свежий воздух и красивые пейзажи. Там даже у тех, кто пьет неделями, взгляд чистый и ясный..."

В пятницу, ровно в одиннадцать вечера, на платформе меня всегда ждет она, с этими странными, почти белыми глазами – словно выцветшими. Моя любимая гуляющая девица, эта крашенная блондинка, чертовка. А сегодня как раз пятница, и меньше чем через два часа будет одиннадцать, и она будет там, и платформа, и ее взгляд, в котором нет ни капли совести. Поехали со мной, такое увидите!..

Да и что я оставил там, откуда уехал и куда еду? Две дырявые носки и рабочие штаны, гаечный ключ и напильник, аванс и командировочные – вот и все. А что ждет впереди? Что

в этих ваших Загорянских, на платформе? Там – рыжие ресницы, опущенные вниз, и покачивание бедер, и коса до поясницы. А после платформы – трава зверобой и дешевое вино, блаженство и муки, восторг и судороги. Богородица, как же долго еще до Загорянского!

А там, за Загорянским, где небо сливается с землей, и шакалы воют на луну, – там совсем другое, но в то же время то же самое: там, в прокуренных и грязных хоромах, неизвестный этой белоглазой, растет мой сын, самый упитанный и самый тихий из всех детей. Он знает букву "Я" и ждет за это от меня конфет. Кто из вас в три года знал букву "Я"? Никто; вы и сейчас-то ее толком не знаете. А он – знает, и никакой награды не ждет, кроме пакета конфет.

Помолитесь, святые, за меня. Да будет светлым мой путь, да не споткнусь о камень, да увижу город, по которому так тоскую. А пока – простите меня – пока присмотрите за моей сумкой, я на десять минут отойду. Мне нужно выпить "Солнцедара", чтобы не потерять запал.

И вот – я снова поднялся и через половину вагона прошел в тамбур.

И пил уже не так, как пил у Дзержинска, нет, теперь я пил без тошноты и без бутерброда, прямо из горлышка, закинув голову, как артист, и с осознанием величия того, что еще только начинается и чему суждено случиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.